

Высшее профессиональное образование

БАКАЛАВРИАТ

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ: 1600—1799 годы

Под редакцией
А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина

*Учебное пособие
для студентов учреждений
высшего профессионального образования*

3-е издание, исправленное

Москва
Издательский центр «Академия»
2012

УДК 93/99(075.8)
ББК 63.3(0)51я73
И907

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН, профессор *З. А. Чеканцева*;
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Российского государственного гуманитарного университета *Н. В. Ростиславлева*;
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
О. В. Дмитриева;
кафедра новой и новейшей истории Уральского государственного университета
(зав. кафедрой — кандидат исторических наук, доцент — *Н. Н. Баранов*)

Авторы:

А. В. Чудинов (предисловие, гл. 1, 5 (§ 1—5, 7—10), 6 (§ 2), 7, 17, 18);
П. Ю. Уваров (предисловие); Д. Ю. Бовыкин (предисловие, гл. 1—3);
И. Е. Андронов (гл. 5 (§ 6), 14); А. С. Медяков (гл. 6 (§ 1, 3—6), 10, 11);
С. В. Кондратьев (гл. 8); В. А. Ведюшкин (гл. 4, 5 (§ 11), 9);
С. Е. Летчфорд (гл. 12, 13); Е. Ю. Лыкова (гл. 15, 16)

История Нового времени : 1600—1799 годы : учеб. посо-
И907 **бие для студ. учреждений высш. проф. образования /**
[А. В. Чудинов, Д. Ю. Бовыкин, А. С. Медяков и др.] ; под ред.
А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. — 3-е изд.,
испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2012. — 384 с. —
(Сер. Бакалавриат).

ISBN 978-5-7695-8031-4

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 030600 — История (квалификация «бакалавр»).

В учебном пособии раскрываются основные процессы и общие тенденции развития стран Западной Европы и Америки. Помимо традиционных вопросов изучения общественного развития, таких, как демография, экономика, социальные группы, государственность, войны, общественная мысль, рассматриваются проблемы эволюции поведения, взглядов и личности человека в Новое время, перемен в бытовой сфере. Анализируются исторические дискуссии о «кризисе XVII века», о соотношении теории и практики абсолютизма, о разграничении просвещенного абсолютизма и просвещенного деспотизма и др.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования.

УДК 93/99(075.8)
ББК 63.3(0)51я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Коллектив авторов, 2012
© Образовательно-издательский центр «Академия», 2012
© Оформление. Издательский центр «Академия», 2012

ISBN 978-5-7695-8031-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вынесенное в заглавие нашего учебного пособия понятие «история Нового времени» имеет давнюю родословную. Деление истории человечества на Античность, Средние века и Новое время появилось еще в эпоху Ренессанса. Сначала мыслители-гуманисты применяли эту периодизацию только к эволюции латинского языка: Античность — эпоха классической латыни, Средневековье — период господства «вульгарной» латыни и, наконец, Новое время — XIV—XV вв. — эпоха возрождения высоких стандартов латинской словесности. Однако очень скоро подобное деление было распространено и на историю человечества в целом. Соответственно историей Нового времени, или Новой историей, называют период, следующий за Средними веками и предшествующий Новейшему времени.

Разумеется, как и всякая историческая периодизация, подобное деление носит условный характер. В мировой науке нет единых общепринятых представлений о хронологических границах Новой истории. Историки разных стран, принадлежащие к различным научным школам, предлагают свои критерии периодизации истории, и в зависимости от этого представления о начале и конце Нового времени варьируются весьма широко.

Так, в Советском Союзе, где марксизм-ленинизм был государственной идеологией, а ученые трактовали мировую историю исключительно с позиций теории общественно-экономических формаций, Новое время определялось как «эпоха капитализма». Нижнюю границу периода датировали 1640 годом — началом Английской революции, верхнюю — 1917-м — годом Октябрьской революции в России.

Среди значительной части научного сообщества современной Франции довольно популярна концепция «долгого Средневековья», которую выдвинул известный историк-медиевист Ж.Ле Гофф. Констатируя тот факт, что в европейских странах XVI—XVIII вв. агротехника развивалась крайне медленно, а традиционные ментальные структуры и формы общественных отношений в сельской местности сохраняли на протяжении всего этого периода удивительную устойчивость, он предложил датировать завершение Средних веков и начало Нового времени рубежом XVIII и XIX столетий.

Однако в университетских учебниках Франции, да и в мировой исторической литературе в целом, наиболее популярна периодизация, определяющая нижнюю границу Новой истории рубежом XV—XVI вв. — временем Великих географических открытий, а верхнюю — Первой мировой войной 1914—1918 гг.

Как видим, разброс в датировках Новой истории довольно велик, а сами они более чем условны. Не удивительно поэтому, что перед авторами настоящего учебника стоял весьма непростой выбор, какой из них отдать предпочтение. В конце концов за исходный рубеж *данного учебного курса* был взят 1600 год. Первую часть курса авторы решили закончить 1799-м годом, а вторую — 1918-м. Мотивы выбора двух последних дат достаточно очевидны: в 1799 г. завершилась Французская революция XVIII в., положившая конец Старому порядку в Западной Европе, а в 1918-м — Первая мировая война, с которой чаще связывают окончание всего периода Нового времени. Выбор 1600 года в качестве начальной даты на первый взгляд не столь очевиден, а потому заслуживает более подробного объяснения.

В середине XX в. ряд исследователей из разных стран почти одновременно и во многом независимо друг от друга выдвинули идею о некоем особом, «переломном», или «кризисном», характере XVII столетия в европейской истории. В частности концепцию «кризиса XVII века» развивали такие видные историки, как англичанин Х. Тревор-Ропер и француз Р. Мунье. Последний, например, писал: «Семнадцатый век являлся эпохой кризиса, который затронул человека в целом, во всех сферах его деятельности — экономической, социальной, политической, религиозной, научной и художественной, все его существование на глубочайшем уровне его жизненных сил, его чувствования, его воли».

Проявления этого кризиса историки находили в самых разных сферах. Весь XVII век не утихали бунты и восстания — среди них можно назвать Английскую революцию, Фронду во Франции, крестьянское восстание в Богемии (1680) и ряд других. Многие прежде процветавшие регионы пришли в упадок: страны Аппенинского и Пиренейского полуостровов, Польша, Дания, большая часть Германии. В Италии — ранее самой урбанизированной части Европы с наиболее развитой промышленностью — экономика вновь стала превращаться преимущественно в аграрную. Экономический кризис сопровождался демографическим: резко выросла смертность населения. Начало всех этих явлений приходится примерно на 1620-е годы, к 1640—1670-м гг. они достигают пика, и лишь к рубежу XVII—XVIII вв. Европа постепенно выходит из всеобщего кризиса.

В ходе развернувшейся дискуссии о «кризисе XVII века» ученые высказывали разные точки зрения относительно того, в чем состоит специфика этого столетия. Например, советские истори-

ки А. Н. Чистозвонов и М. А. Барг связывали происходившие в тот период перемены прежде всего с распространением в экономике европейских стран капиталистических отношений. Поскольку данный процесс совершался неравномерно, произошло усиление одних стран и ослабление других. Именно вступление Западной Европы в мануфактурную стадию развития капитализма, по мнению российских ученых, и явилось главным событием XVII в. Все остальные многочисленные и разноплановые изменения в жизни людей того времени были лишь производными от этого социально-экономического процесса.

С развитием во второй половине XX в. исследований по истории ментальности¹ были выдвинуты и другие объяснения сути тех радикальных качественных перемен, которые страны Западной Европы пережили в XVII столетии.

В настоящее время, пожалуй, наиболее убедительным выглядит решение данной проблемы, находящееся на стыке двух основных интерпретаций, одна из которых лежит в политико-экономической, а другая — в ментальной сфере.

С одной стороны, именно в XVII в. во многих странах Европы шло построение политической системы, получившей название «абсолютная монархия». В большинстве регионов эта политико-социальная трансформация проходила безболезненно, поскольку, оставаясь в рамках старых принципов управления государством, было невозможно решить два основных вопроса, стоявших перед монархами: как заставить большие территории напрямую подчиняться решениям центра и где взять средства, необходимые для создания соответствующего государственного механизма.

Иными словами, происходившая в XVII в. перестройка системы управления государством была невозможна без вторжения в экономику, без увеличения доходов европейских монархий. Реакцией на это и стала прокатившаяся по Европе волна восстаний и революций. Не стоит сбрасывать со счетов и развитие капитализма, которое, наряду со стремлением государей к усилению своей власти, повсеместно вступало в конфликт со старыми экономическими и политическими структурами.

Конечно, по отношению к XVII в. еще рано было бы говорить о повсеместной ломке старой средневековой традиции. Однако кризис заставлял традиционные структуры перестраиваться, приспосабливаться к новым условиям (или отмирать, если они оказывались нежизнеспособными). Там, где происходила эта структурная перестройка, как правило, имела место концентрация политической власти и экономической деятельности. Первая происходила в форме становления абсолютизма. Вторая проявлялась в

¹ *Ментальность* — устойчивые, массовые представления, которыми люди, часто сами того не подозревая, руководствуются в своей деятельности.

укрупнении земельных владений, возникновении централизованной мануфактуры, сосредоточении капитала в экономике приморских стран (Англия, Голландия), ускорении урбанизации — росте больших городов за счет более мелких и за счет деревень. Все это задавало вектор экономического развития Европы в XVII и большей части XVIII в.

С другой стороны, перемены, происходившие в Западной Европе XVII в. в духовной сфере, во многом успешно интерпретируются в рамках «теории конфессионализации», сформулированной современными немецкими исследователями и развитой учеными других стран. Сторонники подобного подхода связывают перемены с грандиозным, поистине революционным переворотом в мировосприятии населявших Европу людей, который произошел в конце XVI — начале XVII в.

В Средние века каждый человек, независимо от его положения в социальной иерархии, воспринимал себя частью некоего целого, которое теологическая и правовая мысль того времени обозначала метафорой «единого мистического тела». Эта метафора символизировала гармонию государства, каждый член которого должен был выполнять свою роль для всеобщей пользы. Подобные представления создавали у людей чувство сопричастности единому началу, имевшему сакральное значение. Каждый человек являлся тогда, как правило, частью ряда общностей различного рода — церковного прихода, городской коммуны, профессиональной корпорации, королевства, однако метафора «единого мистического тела» позволяла воспринимать их всех как нечто целое. Ведь и приход, и городская община, и корпорация, и королевство, и церковь, и весь христианский мир имели вполне определенную конечную цель своего существования — коллективное спасение души и спасение от гнева Господня.

По мере развития и усложнения различных форм общественной жизни в позднем Средневековье происходило ужесточение требований к подобному единению. Реформация стала логическим следствием этого процесса: протестанты считали очищение веры, ее «восстановление» необходимым условием спасения единого тела общины верующих. Однако Реформация не победила полностью, хотя и не проиграла. Около 1600 г. примерно 60 % населения Западной Европы составляли католики, около 40 % — протестанты. В результате было утрачено конфессиональное единство и поставлена под угрозу метафорическая природа солидарности. И католики, и протестанты считали, что нужно любым путем восстановить конфессиональное единство общины, королевства, христианского мира и, следовательно, всего макрокосма. Следствием подобных убеждений стали религиозные войны, раздиравшие Западную Европу в XVI в. Но наступление протестантизма на католицизм вызвало ответную реакцию: в середине XVI в.

на юге Европы зародилось движение, получившее название «Контр-реформация», или «Католическая реформация». В XVII в. Контр-реформация продолжалась в Испании и Италии, она охватила Францию и распространилась от Швейцарии до Нидерландов, захватив прирейнскую Германию. Росла численность черного духовенства, и повышался уровень образования белого, усиливались народная религиозность и требовательность священников по отношению к пастве. В ряде стран (как, например, в Священной Римской империи) католики добились частичного возвращения отнятых протестантами в ходе Реформации церковных земель, усилилось влияние инквизиции, появились «Индексы запрещенных книг».

Однако, когда ни одной из сторон не удавалось достичь решающей победы, единственным выходом из кризиса оставался компромисс. И в ряде стран (Соединенных провинциях, во Франции, некоторых государствах, входящих в состав Священной Римской империи) такой компромисс был достигнут. Не сумев уничтожить друг друга, участники религиозного противостояния были вынуждены прийти к пониманию необходимости терпимости в обществе, которая и католиками, и протестантами воспринималась как наименьшее зло.

Конфессионализация западноевропейского общества, т. е. вынужденное сосуществование представителей разных конфессий, разрушила метафору «единого мистического тела». Утрата конфессионального единства произошла стремительно — при жизни практически одного поколения — и вызвала культурный шок у современников. Для его преодоления общественная мысль Западной Европы на рубеже XVI—XVII вв. приступила к интенсивному поиску новых символов, способных обеспечить социальное единство людей: началась эпоха создания различного рода социальных теорий и идеологий. Первыми такими попытками стали доктрина абсолютизма и доктрина гражданства. Затем появились теории общественного договора и прав человека, а также концепция нации-государства. Авторы множества возникших в тот период социальных учений интерпретировали общество уже не как единое мистическое целое, а как достаточно четко структурированную, открытую для познания, описания и регулирования совокупность индивидов, внутри которой можно выделить сословия, классы и другие социальные категории. Иначе говоря, возникло представление об обществе, достаточно близкое к современному.

Конфессионализация и связанные с нею перемены в мировосприятии имели важные последствия практически для всех сторон жизни общества. Так, перенос сторонниками радикального протестантизма основных своих усилий с борьбы против папистов на экономическую деятельность привел к формированию протестантской хозяйственной этики, во многом способствовавшей разви-

тию капитализма. В сфере просвещения начался переход от единого для всех общего образования, характерного для средневековых университетов, к образованию сословному и социально детерминированному. Демистификация и секуляризация представлений об обществе стали необходимым условием становления науки как института, имеющего целью открытие новых и полезных для социума знаний, что, в свою очередь, послужило стимулом для Научной революции XVII в.

Разумеется, обе указанные интерпретации, как и любые другие, не могут и не должны рассматриваться в качестве окончательного и исчерпывающего объяснения исторических процессов, происходивших на Европейском континенте в конце XVI — начале XVII в. Однако на текущий момент они дают наиболее объемное и системное представление о глубине перемен, имевших место в тот период, и в определенной степени объясняют, почему именно рубеж XVI — XVII вв. авторы настоящего учебника приняли за исходную дату исторического периода, изучаемого в нашем курсе.

Раздел I. Общие тенденции в развитии западного мира в XVII—XVIII вв.

Глава 1

Старый порядок в Западной Европе и Америке

Что такое «Старый порядок»?

Термин «Старый порядок» появился в период Французской революции XVIII в. Так политики и публицисты того времени определяли существовавший до 1789 г. общественный уклад, противопоставляя его «Новому порядку», созданному Революцией. С XIX в. понятие «Старый порядок» стало применяться историками для обозначения социально-политического устройства сначала Франции, а затем и всей Европы в период с XVII в. (некоторыми авторами — даже с XVI в.) и до Французской революции XVIII в.

В отечественной историографии данный термин широко применялся до 1934 г., пока руководство правившей в Советском Союзе коммунистической партии не предписало заменить его понятием «феодально-абсолютистский строй», которое, как считалось, лучше соответствовало марксистской теории общественно-экономических формаций. Однако исторические исследования, проводившиеся в последние десятилетия XX в. как нашими, так и зарубежными учеными, показали, что понятие «феодально-абсолютистский строй» слабо увязывается с реалиями Западной Европы и Америки XVII—XVIII вв. Поэтому современные российские историки отказались от этого термина, жестко связанного с марксистской идеологией, и вернулись к прежнему — «Старый порядок», более гибкому и принятому во всем мире.

Население

Историки оценивают количество жителей европейских государств и американских колоний в XVII—XVIII вв. довольно приблизительно, однако принято считать, что в 1600 г. во всей Европе проживало около 100 млн человек, в 1750 г. — около 145 млн,

в 1800 г. — около 187 млн. Иными словами, за два века население региона практически удвоилось, тогда как для предыдущего увеличения числа европейцев в 2 раза потребовалось шесть веков — с 1000 по 1600 г. К концу XVIII в. самой многолюдной страной Западной Европы была Франция (27 млн). В Германии тогда проживало 23 млн, в Италии — 18 млн, в Испании — 10,5 млн, примерно столько же — в Англии плюс еще 5 млн жителей Ирландии. Количество европейских колонистов в Северной Америке приближалось к 3 млн, в Южной — к 4 млн человек.

Быстрый демографический рост в указанный период имел разные причины. Прежде всего следует упомянуть климатические изменения. К началу XVIII в. закончился так называемый «малый ледниковый период»: климат в Европе потеплел и стал более благоприятным для земледелия. Это явилось стимулом для «внутренней колонизации» — вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых, прежде не обрабатываемых земель путем осушения болот, распашки пустошей, вырубки лесов. С ростом объема производства сельскохозяйственной продукции постепенно ушли в прошлое случаи массового голода, вызываемого неурожаями и приводившего к повышению смертности на обширных территориях. В XVII в. подобные бедствия еще время от времени имели место. Наиболее страшные последствия имел голод 1696—1697 гг. в Финляндии (она входила тогда в состав Шведского королевства), погубивший треть ее населения. Тяжелым в этом отношении выдался и 1709 год во Франции. Однако в дальнейшем странам Западной Европы больше не приходилось переживать массовый голод.

Другим важным фактором, способствовавшим росту населения, стало развитие медицины и гигиены, позволившее свести на нет опустошительные эпидемии чумы, уносившие в предшествующие века сотни тысяч жизней. В Англии последний случай такой эпидемии имел место в 1660 г., когда «Великая лондонская чума» убила до 100 тыс. человек; во Франции — в 1720 г., когда умерло более 40 тыс. жителей Марселя — половина населения этого города. Испанию чума посетила в последний раз в 1685 г., Австрию — в 1713 г., Италию — в 1743 г. Наряду с принятием эффективных карантинных мер, препятствовавших распространению эпидемий, положительную роль, по мнению ряда ученых, сыграл и биологический фактор — резкое сокращение популяции черной крысы, являвшейся главным разносчиком этой болезни.

Быстрый рост населения повлек за собой и ряд важных изменений социально-экономического порядка. Повышение массового спроса на продовольствие стимулировало развитие сельского хозяйства и торговли, в частности колониальными товарами. После почти ста лет застоя возобновился рост городов, вбиравших в себя население из сельской местности. В свою очередь, появление

в городах свободной рабочей силы способствовало расширению производства промышленной продукции.

Однако в целом экономика большинства стран Западной Европы оставалась аграрной, основная часть населения (от 65 до 97 % в зависимости от региона) проживала в сельской местности. Единственным исключением была Голландия, где уже в XVII в. горожане составляли до половины жителей. Сами города были относительно невелики: если в конце XVIII в. число жителей Лондона достигало примерно 1 млн человек, то в Париже проживало немногим более 500 тыс., население Вены составляло около 230 тыс., Рима — около 160 тыс., а Венеции — менее 140 тыс. человек. В целом по всей Европе не насчитывалось и трех десятков городов с населением более 100 тыс. человек.

Сельское хозяйство

В XVII—XVIII вв. экономика практически всех западноевропейских стран, за исключением, пожалуй, Нидерландов, оставалась преимущественно аграрной. В сельской местности не только проживала бóльшая часть населения, но и производилась значительная часть валового национального продукта этих государств.

В целом сельское хозяйство Западной Европы в этот период сохраняло традиционную, архаичную форму, что и дало ряду историков основание, как уже говорилось во введении, отнести этот период к «долгому Средневековью». Действительно, так же как и в Средние века, подавляющее большинство земледельцев продолжали использовать двухпольный (в Средиземноморье) и трехпольный севооборот, а в некоторых странах, например в Финляндии, существовало и гораздо более древнее подсечно-огневое земледелие. При таком использовании почва довольно быстро истощалась, а относительная малочисленность скота не позволяла земледельцам повышать ее плодородность, используя навоз в качестве удобрения. Поэтому урожайность оставалась довольно низкой и в среднем по континенту колебалась от сам-трех до сам-шести (т. е. собирали в 3—6 раз больше зерна, чем сеяли).

Столь же примитивным было и скотоводство. Выращивание кормовых культур еще не получило широкого распространения, и чтобы не кормить скот зерном, которого едва хватало для людей, бóльшую часть поголовья осенью забивали. Разумеется, при таком подходе и речи не могло быть о селекции скота, хотя методы ее в то время уже были известны: их применяли для выведения породистых коней.

Недостаток кормов для домашних животных ограничивал и возможности использования лошадей на полевых работах. Основной тягловой силой, особенно в южных областях континента,

оставались более неприхотливые быки: даже в конце XVIII в. их число в Европе почти вдвое превосходило число лошадей. Однако вспашка земли на быках, уступавших по силе лошадям, была менее эффективной: пахарю приходилось применять более легкий плуг и три-четыре раза проходить с ним по полю, прежде чем оно оказывалось пригодным для посева. Впрочем, технологический уровень других видов сельскохозяйственных работ был столь же низок. Сев проводили, разбрасывая семена вручную, а жали серпом.

Может показаться парадоксальным, но в то же самое время, когда деревня по уровню агротехники застыла в «долгом Средневековье», европейская агрономическая наука переживала настоящий расцвет. Во второй половине XVII и особенно в XVIII столетии увидели свет десятки сочинений, предлагавших научно обоснованные и опробованные на практике новаторами-энтузиастами методы повышения эффективности различных отраслей сельского хозяйства. Помимо большого количества литературы, посвященной частным техническим вопросам агрокультуры, возникли целые политэкономические течения, занимавшиеся разработкой программ модернизации сельского хозяйства в целом. В Германии, например, подобные идеи развивали сторонники *камералистики*¹, во Франции — *физиократы*².

Тем не менее блестящие научные теории и повсеместно распространенная практика существовали как будто в параллельных измерениях, почти не соприкасаясь друг с другом. Главным препятствием для их соединения был социальный фактор, а именно унаследованные от Средних веков отношения землевладения и землепользования, которые в той или иной степени сохранялись в большинстве стран континента. В разных государствах, а нередко и провинциях одной державы, конкретные формы подобных отношений довольно широко варьировались, но по сути это почти всегда были отношения между землевладельцами-сеньорами (лендлордами, помещиками и т. д.), обычно принадлежавшими к привилегированным сословиям, и крестьянами-держателями.

На восточной окраине рассматриваемого региона (в немецких землях восточнее Эльбы, в Венгрии, Богемии, Австрии) в XVII—XVIII вв. укоренялось крепостное право. Иногда подобный процесс даже называют вторичным закрепощением крестьянства, что не совсем верно, поскольку в указанный период крестьян прикрепляли к земле даже в тех регионах, где ранее этого никогда не

¹ *Камералистика* (от позднелат. *camera* — дворцовая казна) — направление экономической мысли в Германии XVII—XVIII вв., разрабатывавшее принципы наиболее оптимального ведения государственного хозяйства.

² *Физиократы* — сторонники распространенной во Франции второй половины XVIII в. экономической теории, которая доказывала необходимость преимущественного развития сельского хозяйства и освобождения экономики от государственного вмешательства.

было. Теперь же здесь преобладали крупные помещицы хозяйства, а крестьяне не только не могли покидать своих señоров, но и несли *барщину* — обязаны были безвозмездно обрабатывать их землю. Разумеется, занятые подобным принудительным трудом работники не были заинтересованы в повышении его эффективности и в конечном результате. Оставшееся время (а барщина в среднем занимала около трех дней в неделю) крестьяне работали на своих наделах, урожай с которых, после уплаты señору *оброка*, потреблялся их семьями. Однако и здесь земледельцы не имели стимула проводить какие-либо долгосрочные агротехнические улучшения, поскольку не было гарантии, что они смогут в дальнейшем воспользоваться их плодами. В Венгрии, например, señор был вправе заставить крестьянина поменять свой надел на другой, даже худший по качеству, а на востоке Германии помещик после смерти крестьянина мог не разрешить переход его надела к прямым наследникам.

В свою очередь, señоры-крепостники, имея в своем распоряжении большие ресурсы бесплатной рабочей силы, также не испытывали прямой заинтересованности в повышении агротехнического уровня своих хозяйств: им было гораздо легче увеличить массу конечного продукта путем усиления эксплуатации подневольных работников.

В западной же части континента крепостное право и в Средние века имело достаточно ограниченное распространение, а к началу Нового времени практически исчезло. Правда, в некоторых областях (особенно в северной Италии, восточной Франции) еще сохранялись нормы права, напоминавшие о былой личной зависимости земледельцев от señора: например, право «мертвой руки» — обязанность крестьянина заплатить señору фиксированный взнос при получении надела в наследство. Однако крестьянин мог выйти из-под действия такого права, покинув деревню. Относительно редко в этой части континента встречалась и практика принудительного труда на señора, а там, где барщина все же была, например в западных областях Германии, она ограничивалась несколькими днями в году.

Тем не менее почти повсюду крестьянину за пользование земель приходилось платить señору денежные и натуральные взносы, совокупность которых получила название *сеньориального комплекса*. Кроме того, в разных областях señоры нередко имели определенные специфические привилегии, например исключительное право охотиться в лесах и держать голубятню; монопольные права (*баналитеты*) на владение мельницей, виноградным или масличным прессом и т.д. Однако, в отличие от помещиков Заальбской Германии или Венгрии, señоры во Франции или Италии не могли согнать с земли крестьянина, права которого на наследственный надел были защищены законом. Будучи по свое-

му происхождению *держанием*, крестьянские наделы к началу Нового времени уже обладали практически всеми признаками *собственности*: их можно было свободно продавать и покупать, дарить и передавать по наследству при условии, что новый владелец брал на себя обязанность по уплате связанного с данным участком земли сеньориального комплекса.

Имея твердые юридические гарантии своих прав на землю и становясь после уплаты сеньориальных платежей (во Франции, например, они составляли в среднем от 10 до 20 % чистого, т. е. за вычетом производственных издержек, дохода земледельца) полным собственником произведенного продукта, западноевропейский крестьянин, в отличие от его крепостного собрата из восточных областей региона, был напрямую заинтересован в повышении эффективности своего труда. Это, в частности, проявилось в зафиксированной историками для XVII—XVIII вв. более высокой урожайности зерновых культур западнее Эльбы по сравнению с областями восточнее нее. Тем не менее даже на Западе передовые достижения агротехники, за исключением нескольких стран, о которых речь пойдет ниже, в указанный период не получили широкого применения в сельском хозяйстве.

Во многом это объяснялось царившим там малоземельем. Крестьянское хозяйство было мелкотоварным, т. е. большая часть произведенного в нем продукта, за вычетом сеньориальных платежей и налогов, потреблялась семьей самого крестьянина. Средств, полученных от продажи на рынке оставшегося продукта, было недостаточно для затрат на сколько-нибудь значительные агротехнические улучшения. Кроме того, во многих областях континента важную хозяйственную роль продолжала играть сельская община. Зачастую любой из ее членов вместо одного компактного надела имел *парцеллу* на каждом из принадлежавших ей полей, что отражало общинные представления о справедливости. После сбора урожая изгороди между парцеллами снимали и на открытых полях пасли скот. Разумеется, при подобном порядке использования земли любые агротехнические улучшения на одной отдельно взятой парцелле были бессмысленны, так как маленькие размеры самих парцелл к этому не располагали. Сколько бы, например, ни призывали ученые-агрономы к применению косы как наиболее эффективному и экономичному способу жатвы, крестьянину на его парцелле было сподручнее по старинке работать серпом.

И все-таки даже в такой консервативной сфере, какой оставалось сельское хозяйство при Старом порядке, в рассматриваемый период наметились существенные сдвиги, вызванные изменением экономической конъюнктуры, спровоцированной отмеченными выше демографическими процессами. С 20-х по 80-е гг. XVIII в. быстрый прирост народонаселения, и в частности населения го-

родов, привел к повышению спроса на продовольствие и росту цен на сельскохозяйственную продукцию. По всей Европе эта благоприятная для аграрного сектора ценовая конъюнктура побуждала связанные с ним социальные группы предпринимать активные шаги по повышению его товарности, т. е. увеличивать объем сельскохозяйственной продукции, производимой на продажу. Однако в разных частях континента подобные действия носили разный характер.

В восточной части региона помещики шли по пути усиления эксплуатации своих крепостных. Они расширяли барскую запашку за счет сокращения крестьянских держаний, а для ее обработки увеличивали барщину. В XVIII в. здесь не только оживилась торговля на внутреннем рынке, но и начался активный экспорт сельскохозяйственной продукции (прежде всего зерна). Это позволило помещикам наращивать объемы поставляемого на рынок продукта, не тратясь на дорогостоящие и, как тогда казалось, совершенно ненужные эксперименты, направленные на интенсификацию сельскохозяйственного производства.

Действия, направленные на повышение своих доходов за счет крестьян, предприняли также некоторые французские сеньоры. Однако поскольку во Франции подобный открытый произвол по отношению к крестьянам был невозможен, *сеньориальная реакция*, как называют это явление некоторые историки, носила юридический характер. Чтобы повысить доходы от сеньориального комплекса, специально нанятые специалисты по праву землепользования (*февдисты*) изыскивали в старинных юридических документах некогда существовавшие, но уже забытые повинности крестьян в пользу сеньора, а затем через суд пытались заставить крестьян платить их вновь. Особенно ценились различного рода натуральные платежи, поскольку в случае успешного исхода процесса сеньор мог получить в свое распоряжение дополнительный объем сельскохозяйственной продукции, которую можно было реализовать на рынке. Правда, крестьяне не сдавались легко. Они всей общиной нанимали адвокатов и отчаянно судились с сеньорами, нередко выигрывая эти процессы.

В свою очередь и сам сеньориальный комплекс стал во Франции рыночным товаром: часто владельцы сеньорий продавали его как источник стабильного дохода каким-либо третьим лицам, например предприимчивым горожанам или даже преуспевающим крестьянам, оставляя за собой саму сеньорию. Пытаясь повысить прибыльность, новые хозяева добивались того, чтобы размеры платежей по сеньориальному комплексу время от времени пересматривались в соответствии с рыночной конъюнктурой. Таким образом, внешне сохраняя прежнюю форму, сеньориальный комплекс приобретал новую сущность: он постепенно превращался из средневекового держания на постоянных, веками не менявшихся,

условиях в капиталистическую аренду, условия которой напрямую диктовались рынком.

Аналогичный переход от «вечного» держания к более или менее краткосрочной аренде имел место и в ряде других частей Западной Европы. Так, если в XVII столетии крупные землевладельцы Королевства обеих Сицилий дробили свои поместья на отдельные участки и сдавали их крестьянам за фиксированные платежи на несколько десятков лет или «навечно», то уже в следующем веке они предпочитали сдавать целиком все поместье в аренду на срок от 3 до 6 лет.

Впрочем, все эти новшества были связаны с перераспределением в пользу землевладельцев доходов от сельского хозяйства, резко возросших в результате благоприятной экономической конъюнктуры. Однако не менее, а может даже и более существенные сдвиги наметились в сфере производства аграрной продукции, причем нововведения появились как в технологии, так и в организации производства.

К технологическим новшествам следует прежде всего отнести значительное расширение перечня выращиваемых сельскохозяйственных культур. Появление картофеля, получившего в XVIII в. почти повсеместное распространение, и кукурузы, особенно популярной в южных странах региона, привело к улучшению качества питания широких слоев населения и к уже отмеченному выше прекращению случаев массового голода.

Но наиболее важные изменения в технологии аграрного производства имели место в тех частях континента, где произошел переход к новым способам организации сельскохозяйственного труда. В первую очередь среди таких областей следует выделить Нидерланды, Англию и Каталонию.

В Нидерландах, где городское население росло наиболее высокими на континенте темпами, уже в XVII в. наметилась устойчивая тенденция к повышению спроса на сельскохозяйственную продукцию. Возможность снабжать страну по морю из прибалтийских стран пшеницей, которая была достаточно дешевой из-за применения там подневольного труда крепостных, позволила нидерландским крестьянам уделять меньше внимания зерновым и специализироваться на животноводстве, выращивании огородных и технических культур (льна, конопли и др.). Сеньориальный комплекс в ведущих провинциях Нидерландов был развит относительно слабо по сравнению с другими странами, а многие из нидерландских крестьян и вовсе являлись полноправными собственниками своей земли. Соответственно земледельцы могли инвестировать больше средств в повышение технологического уровня производства и использовать наемных рабочих. Именно в Нидерландах впервые стали применять глубокую вспашку и механические сеялки. Высокие урожаи поддерживались благодаря пра-

вильному севообороту: почву восстанавливали, чередуя посадку на ней продовольственных, технических и кормовых (клевер, турнепс) культур. Использование последних позволяло содержать скот зимой, а тот в свою очередь обеспечивал земледельцев органическими удобрениями. Готовая продукция достаточно быстро и без больших проблем доставлялась на рынки по сети каналов, покрывавшей всю страну. Благодаря передовой организации производства крестьяне Нидерландов, составлявшие меньшую часть населения страны, не только полностью обеспечивали внутренний спрос на мясо-молочную продукцию и технические культуры, но и активно поставляли их на экспорт.

Интенсивные методы ведения сельского хозяйства нашли широкое применение и в Каталонии, где сеньориальный комплекс был развит относительно слабо, а крестьяне из поколения в поколение владели компактными и достаточно обширными участками земли, которые по местному закону было запрещено дробить. В искусственно орошаемых долинах зерновые культуры чередовались с фуражными, что препятствовало истощению земли. На холмах росли виноград и оливы. Привлекая наемных рабочих, каталонские крестьяне добились высочайшего уровня товарности своих хозяйств, поставляя продукцию не только на внутренний, но и на внешний рынок. В частности, к концу XVIII в. Каталония была главным поставщиком вина и крепких напитков для всей Испанской Америки.

Совершенно иным образом было организовано аграрное производство в Англии. Начавшиеся там еще в XVI в. *огораживания*, которые влекли за собой изгнание лендлордами крестьян с земли, приобрели с конца XVII в. характер государственной политики, что нашло отражение в принятии парламентом соответствующих актов. Сосредоточение же больших массивов земли в руках лендлордов позволяло им либо самим вести хозяйство передовыми интенсивными методами с применением наемного труда, либо сдавать землю в аренду фермерам, которые использовали ее таким же образом. Этот процесс ликвидации крестьянских parcelлярных хозяйств и концентрации земель получил в научной литературе название *аграрного переворота*.

Несмотря на различия, рассмотренные нами новые методы организации сельского хозяйства в Нидерландах, Каталонии и Англии имели и ряд важных общих черт: они позволяли организовать товарное производство с применением наемного труда, имевшее целью получение прибыли и ее реинвестирование. Подобный характер производства определяется как *капиталистический*.

Ростки капиталистического производства возникли и в других странах. Например, подобными «матрицами капитализма» считаются крупные сеньориальные поместья и появившиеся в тот период отдельные большие фермы во Франции, собственники ко-

торых стремились организовать производство по английским образцам. Однако в целом это были относительно небольшие островки в безбрежном море парцеллярных хозяйств, где все еще преобладала рутина «долгого Средневековья».

Промышленность

Выше уже отмечалось, что в рассматриваемый период, а если точнее — со второй половины XVII в., возобновился рост городов, приостановившийся в предшествующее столетие из-за кровопролитных межконфессиональных конфликтов во многих странах континента. Особенно быстрые темпы развития были характерны для столиц и портов, а в некоторых государствах — и для отдельных промышленных центров. Причем ускоренный рост каждого из этих трех типов городов был обусловлен своими специфическими факторами. В тех случаях, когда столица являлась портом, как, например, Лондон или Лиссабон, разные факторы действовали одновременно, дополняя друг друга.

С завершением централизации государств и возникновением постоянно расширяющегося бюрократического аппарата роль столицы в жизни каждой страны неизмеримо выросла. Именно здесь отныне сосредоточивались главные административные и судебные органы с их непрерывно растущим штатом чиновников, а нередко располагался и двор монарха. Для удовлетворения создаваемого этой массой народа потребительского спроса необходимо было множество ремесленников разных специальностей, слуг, торговцев, медиков, литераторов, художников, музыкантов и лиц других профессий. Все вместе они и составляли многочисленное, пестрое и беспокойное население столиц. Сюда же тянулись из провинции и наиболее энергичные, предприимчивые люди, мечтавшие поймать шанс и сделать успешную карьеру в той или иной сфере жизни общества. Не удивительно, что именно столица обычно становилась самым большим и густонаселенным городом страны.

Успешное освоение колоний в Азии, Африке и особенно в Америке вело к быстрому расширению заморской торговли, ставшей в указанный период одной из важнейших и наиболее динамично развивающихся отраслей экономики большинства западноевропейских государств. Этим были обусловлены высокие темпы роста портовых городов, связанных с колониальной торговлей, таких, как Бристоль, Ливерпуль и Глазго в Великобритании, Кадис, Севилья и Барселона в Испании, Амстердам в Нидерландах, Лиссабон в Португалии, Нант, Бордо и Марсель во Франции. Напротив, старые торговые центры, разбогатевшие в свое время на средиземноморской торговле и не сумевшие пере-

ориентироваться на новые, колониальные рынки, постепенно приходили в упадок, как, например, Генуя и Венеция.

Торговля колониальными товарами — хлопком, табаком, кофе, пряностями, индиго, сахаром и т.д. — была весьма доходной и способствовала быстрому росту инфраструктуры портовых городов и соответствующих отраслей промышленности. В этих городах и вокруг них создавались судостроительные верфи, полотняные и канатные мануфактуры, винокурни, предприятия по переработке сахарного тростника и т.д. Как правило, производство на всех этих предприятиях было организовано на капиталистических принципах — с применением наемного труда. Да и в самой колониальной торговле капиталистические отношения получили максимально широкое распространение. Если в Средние века и в начале Нового времени для ведения коммерческих операций с тем или иным видом товаров необходимо было состоять в соответствующей купеческой гильдии, которая строго регламентировала деятельность своих членов и крайне неохотно принимала в свои ряды новых, то в XVII в. получили распространение новые формы организации торговли — паевые, или акционерные, общества, позволявшие любому желающему, без каких-либо ограничений, принять участие в финансировании колониальной экспедиции, а потом получить свою долю прибыли от нее. Именно так строилась деятельность голландской и английской Ост-Индских, а также практически всех других компаний, торговавших с колониями и дальними странами.

Гораздо медленнее утверждались капиталистические отношения в традиционных отраслях промышленного производства. Начиная со Средних веков, ремесленники, работавшие в этих отраслях, были объединены в цехи, которые в рассматриваемый период не только сохранились, но и до середины XVII в. продолжали укрепляться при поддержке правительств, использовавших их как инструмент взимания налогов с ремесленников. Борясь за поддержание высокого качества продукции, цехи строго регламентировали процесс производства, не позволяя своим членам отступать от традиционного порядка и вводить какие-либо технические новшества. Цехи также старались обеспечить более или менее равный доход состоявшим в них мастерам, а потому ограничивали количество применяемых ими станков и принимаемых на работу подмастерьев. К тому же цехи внимательно следили за соблюдением своей привилегии на работу в данной отрасли ремесла и не допускали проникновения в нее посторонних.

Поэтому не удивительно, что новая, построенная на капиталистических принципах форма организации производства в традиционных отраслях промышленности первоначально стала применяться за пределами старых городов — в сельской местности либо в небольших городках, где не было цехов. Такой новой фор-

мой организации труда стала *мануфактура* — предприятие, основанное на разделении труда и ручной технике. Существовало два вида мануфактур — *рассеянная* и *централизованная*. В первом случае предприниматель раздавал сырье (например, пряжу) рабочим-надомникам — нередко в качестве таковых выступали крестьяне, выполнявшие эту работу по вечерам, — а потом забирал у них готовую продукцию, оплачивая трудовые затраты. В централизованной мануфактуре работа происходила в одном помещении.

Если ремесленник занимался изготовлением своего товара целиком, лично выполняя все стадии производственного процесса, то каждый из рабочих мануфактуры мог специализироваться на осуществлении какой-либо одной операции, доводя ее до автоматизма, что позволяло существенно повысить производительность труда. Поэтому мануфактуры нашли широкое применение именно в тех отраслях промышленности, на продукцию которых выше спрос в указанный период резко увеличивался. Помимо упомянутых выше отраслей, связанных с колониальной торговлей, это были производство предметов роскоши, военная индустрия и текстильная промышленность.

После возникновения централизованных монархий особенно важное общественное и государственное значение приобрел королевский двор, ставший главным местом пребывания аристократии. Его роскошь символизировала богатство и могущество короля. Придворные из всех сил пытались соответствовать подобному образу жизни и превзойти друг друга в роскоши. Все это создавало устойчивый спрос на ее предметы, удовлетворить который могло только мануфактурное производство. Правительства охотно поддерживали создание подобных предприятий. Например, строительство Версаля, блистательной резиденции Людовика XIV, дало мощный импульс для возникновения во Франции мануфактур по производству зеркал, гобеленов, шелка. Результатом усилий, предпринимавшихся многими германскими государями по созданию производства фарфора, стало основание в Саксонии знаменитой Мейсенской мануфактуры.

Создание постоянных армий и флотов, размеры которых неуклонно росли, порождало устойчивый спрос на вооружение, боеприпасы и экипировку. Для его удовлетворения правительства разных стран активно поощряли учреждение мануфактурных предприятий в горнодобывающей и металлургической промышленности.

Кроме оружия солдатам и матросам требовалось обмундирование, а потому армия и флот были также главными потребителями продукции текстильных мануфактур. В течение долгого времени такой продукцией было преимущественно сукно. К 1700 г. крупнейшими центрами суконного производства стали Амьен и Абвиль во Франции, Лидс, Галифакс и Эксетер в Англии, Аахен в

Германии, Лейден и Гарлем в Нидерландах. Однако в XVIII в. началось широкое распространение хлопчатобумажных тканей, изготовлявшихся из колониального хлопка. Во второй половине XVIII в. эта отрасль промышленности вступила в период бурного развития. Так, если в 1760 г. на производстве хлопчатобумажных тканей в Каталонии было занято 10 тыс. рабочих, то к концу века — 100 тыс.

Однако если, к примеру, в Каталонии или Франции дальнейшее наращивание объема производства продукции в этой отрасли могло происходить за счет умножения числа мануфактур и привлечения новой рабочей силы, то в Англии, где уже в первой половине XVIII в. возник дефицит свободных рабочих рук и заработные платы наемным работникам достигли довольно высокого уровня, резервы для подобного экстенсивного развития промышленности были исчерпаны. Поэтому именно в текстильной промышленности Англии раньше, чем где бы то ни было, начался переход от ручного мануфактурного производства к фабричному, осуществляемому с применением машин. Такой переход получил название *промышленного переворота*, или *промышленной революции*. Подробнее речь о ней пойдет в главе, посвященной Англии.

Общество

Европейское общество Старого порядка состояло из *сословий* — социальных групп, члены которых имели фиксированный правовой статус, передававшийся по наследству.

Дворяне. Количество сословий в разных странах варьировалось в зависимости от национальной специфики, но везде (за исключением некоторых кантонов Швейцарии и ряда провинций Нидерландов) наиболее влиятельным, богатым и привилегированным было сословие крупных земельных собственников — *дворянство* (*знать*). Во всех государствах оно составляло незначительное меньшинство от общего количества населения: к концу XVIII в. в Венгрии — 4—5 %, в Англии — 1—2 %, во Франции — около 1 %, в Швеции — 0,5 %. Однако именно этому сословию принадлежала решающая роль практически во всех сферах жизни общества Старого порядка.

Появившись в Средние века как военное, служилое сословие, оно и в Новое время продолжало считать службу государю, прежде всего воинскую, наиболее достойным для себя занятием и видело в ней основание своего особого социального статуса. В большинстве европейских стран именно дворяне занимали командные должности в армии и наиболее значимые посты в государственном аппарате. Выходцы из знати в основном составляли и верхушку церковной иерархии.